

Marzena Kozyra

Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II

Экзотизмы в репортажах Рышарда Капуцинского и их перевод на русский язык

Как справедливо замечает Раиса П. Абдина, любой художественный текст выполняет в данном культурном пространстве роль носителя и источника информации о мире, информации, представленной «сквозь призму национальной культуры» [Абдина 2013, 103]. Следовательно, такое произведение позволяет читателям ознакомиться с культурой конкретной нации или этнической группы, а наличие в нём экзотических лексем – способствует передаче специфических черт определённого культурного пространства. Однако Евгения. Ф. Нечаева идёт ещё дальше в своих рассуждениях. Учёная приходит к выводу, что вообще в каждом тексте находит своё отображение языковое сознание данного языково-культурного сообщества [Нечаева 2009, 116]. А из этого вытекает, что в каждом тексте, хотя в разной степени, сохраняются национально специфические элементы.

Учитывая всё вышесказанное, следует признать, что элементы национальной идентичности характерны также для произведений такого художественно-публицистического жанра, как репортаж. Это касается, в частности, репортажей из путешествий. Такие тексты изображают условия жизни, особенности быта, нравов, верований, менталитета и т. п. других народов и поэтому просто не могут быть лишены культурно значимых компонентов.

В настоящей статье, поднимающей вопрос существования экзотизмов в национальном языке, основное внимание сосредотачивается на способах перевода польских экзотических слов на русский язык, а иллюстративным материалом послужили репортажи из путешествий Рышарда Капуцинского – *Император* и *Путешествия с Геродотом*. Мы учитывали перевод *Императора*, выполненный Сергеем Лариным, а также переводную версию *Путешествий с Геродотом*, принадлежащую Юрию Чайникову. Р. Капуцинский, которого Габриель Гарсиа Маркес называл мастером международного репортажа, является известным польским писателем и журналистом. В своих работах и очерках излагал впечатления от зарубежных поездок, благодаря которым смог быть свидетелем важных текущих политических событий,

переворотов, крушений режимов. Однако Р. Капуцинский много внимания уделял жизни обычных людей, пытался понять их точку зрения, способ восприятия определённых общественно-культурных фактов, был впечатлительным наблюдателем и слушателем. Опыт и новые знания, приобретённые во время путешествий, зафиксировал в своём творчестве, которое постоянно притягивает и завораживает широкие читательские круги. В *Императоре*, вышедшем в мир в 1978 году, автор представляет обстоятельства крушения системы авторитарной власти в Эфиопии, т.е. условия правления и падения императора Хайле Селассие. Причём всё это излагается сквозь призму высказываний бывших придворных диктатора. Упомянутые высказывания, по словам Кристины Домбровской, «прекрасно передают весь абсурд и косность придворного мира» [Домбровская, online]. Опубликованные в 2004 году *Путешествия с Геродотом* представляют же собой свидетельство путешествий журналиста в Индию и Китай, которые становились для Р. Капуцинского своего рода *культурным шоком*. Совершаемые по разным азиатским районам поездки сравниваются им с путешествиями античного летописца Геродота, отрывки из *Истории* которого часто приводятся в тексте. Вместе с тем стоит уточнить, что в данном репортаже, разумеется, кроме описаний событий общественно-политической жизни, реалий быта, часто виденных глазами представителей данного социума, много места отводится личным размышлениям, раздумиям автора над пережитым им в незнакомом, инородном пространстве. Р. Капуцинский заостряет внимание на том, кем был греческий историк, каким было его отношение к другим культурам, народам и что становилось для него мощным толчком посещать мир, что переплетается с рефлексиями над собственной жадой новых впечатлений и ещё детской мечтой пересечь границу.

Раньше чем приступить к рассмотрению указанных лексических средств, а также их переводных эквивалентов в русском языке, нам придётся пояснить, какой смысл вкладывается в самый термин *экзотизм*. Такой подход кажется целесообразным, ибо на сегодняшний день предлагаемые учёными интерпретации и классификации упомянутого языкового явления существенно варьируют его значение. Нередко учёные приходят к совсем противоречивым заключениям, что, со своей стороны, постараемся доказать в дальнейшей части нашей статьи. Хотя, на наш взгляд, основная дилемма состоит ещё и в том, что до сих пор исследователями не выработано чёткое разграничение между тремя важными для языкознания понятиями, такими, как: *экзотизмы*, *иноязычные слова* и *заимствования*.

Гульназ М. Валеева трактует экзотизмы как одну из подкатегорий заимствованной лексики и даёт следующее их определение:

Экзотизмы (греч. *exotikos* – чуждый, иноземный, необычный: *exo* – снаружи, вне) – это заимствования, передающие характерные этнонациональные особенности образа жизни контактирующих народов. Но экзотизмы – это ещё и слова, в значении которых выражаются отличительные черты общественной жизни, быта, нравов, ментальности того народа, который они представляют [Валеева 2010, 117].

Таким образом, экзотические номинации выражают явления и понятия инокультурной, неизвестной усваивающему языку, действительности. Что же касается реализации функционального потенциала, заложенного в экзотизмах, по мнению учёной, использование данных лексических единиц в речи предоставляет возможность полностью осветить специфические черты лингвокультуры иных народов или передать особенности локального колорита [Валеева 2010, 116].

Подобная интерпретация наблюдается в работах Людмилы Г. Самотик, которая, также определяя экзотическую лексику как особый пласт заимствований, обращает внимание на ограниченность её употребления. Исследовательница заявляет, что лексемы, которые репрезентируют в языковом сознании конкретной общественности известную оппозицию *свой – чужой*, как правило, относятся к пассивному словарному составу языка [Самотик 2011, 188–190]. Иначе говоря, хотя экзотические слова понимаются читающими в тексте, всё-таки не вошли в речевой обиход. Причём в данный момент важно отметить, что периферийное положение экзотизмов в рамках конкретного национального языка имеет временный характер. Этот факт объясняется тем, что вместе с протекающим процессом глобализации и последующей унификации, в определённых областях общественной жизни наступает взаимовыгодный обмен различными предметами, идеями, понятиями между народами. А освоение национальной культурой новой реалии влечёт за собой освоение системой принимающего языка её обозначения, т.е. экзотического слова. Значит, с временем экзотизмы могут начать активно употребляться в речи, однако это зависит от целой совокупности внеязыковых факторов. Ко всему сказанному следует добавить, что с такой трактовкой соглашается также Ирина С. Воронкова, которая воспринимает экзотизмы в качестве «исторического понятия» [Воронкова 2006, 77]. Исследовательница утверждает, что ситуация, при которой вместе с заимствованием данным языково-культурным сообществом новой идеи или предмета происходит потеря национальной

специфичности их наименований, утрата их *экзотичности*, является ярким доказательством того, что, согласно её определению, «национальный признак является основным в характеристике экзотизмов» [Воронкова 2006, 77–78].

В плане толкования термина *экзотизм*, элемент новизны появляется в рассуждениях Светланы А. Эзерини, которая постулирует выделение трёх группировок экзотических номинаций [Эзериня 2010, 70]. Итак, первый лексический набор объединял бы те языковые единицы, которые, по словам исследовательницы, «обнаруживают или реализуют в описываемый хронологический период тенденции вхождения в русский язык в связи с усвоением русской культурой обозначаемой ими реалии или понятия» [Эзериня 2010, 70]. Иначе говоря, тут группировались бы слова, которые следовало бы назвать результатом деэкзотизации языка или бывшими экзотизмами. Вторую группу дополнили бы так называемые актуальные экзотизмы, т.е. заимствования, которые не внедрились в лексическую систему национального языка, не употребляются в речевом обиходе и встречаются лишь в художественных текстах, где служат целям придания национальной окраски. Третья группа состояла бы, в свою очередь, из экзотических слов, имеющих свои исконные эквиваленты в заимствующем языке, но бытующих в рамках пространства художественной литературы и нацеливающих на достижение определённой функционально-стилистической цели. Между прочим, учёная часто оперирует термином *иноязычная лексика*, который отождествляет с заимствованиями, с целой совокупностью слов, пришедших из иностранных языков. В составе же иноязычия различает слой экзотизмов как особую группу.

Существенно подчеркнуть, что в аспекте выделения трёх подкатегорий экзотической лексики, подобного же мнения, как С.А. Эзериня, придерживается и Р.П. Абдина. Указывая достоинства кластерного анализа экзотизмов в художественном тексте, учёная описывает такие же их разряды, однако вводит конкретные, научные термины. Стало быть, названные бывшими экзотизмами лексемы, которые в результате освоения первоначально чуждых усваивающей культуре явлений и понятий постепенно закреплялись в системе литературного языка, получили наименование *условных экзотизмов*. Кроме них, Р.П. Абдина констатирует наличие собственно экзотизмов, выражающих понятия иной, незнакомой действительности и не теряющих своего экзотического характера вместе с проникновением в систему принимающего языка, а также стилистических экзотизмов. Последние, о которых шла речь раньше, обладают синонимическими обозначениями в заимствующем языке. Они свойственны произведениям художественной литературы,

где их появление вызвано «экспрессивными особенностями включающего их текста» [Абдина 2013, 102].

По отношению ко всем вышеупомянутым трактовкам понятий *экзотизмов, иноязычной лексики и заимствований* ярко противостоит теория Леонида П. Крысина, между прочим, получившая огромную популярность в среде русских лингвистов на более ранних стадиях развития науки о языке. Этот учёный центральным термином признаёт *иноязычную лексику*, в рамках которой последовательно выделяет заимствованные, т.е. полностью освоенные принимающим языком, лексемы, всё время чуждые системе усваивающего языка экзотизмы и иноязычные вкрапления, которые передаются лексическими средствами иноязычной графической системы [Крысин 1968, 23].

Интересно, что довольно сходную точку зрения отстаивает И.С. Воронкова, которая так же воспринимает в качестве иноязычной лексики все лексические единицы, пришедшие от иных лингвокультурных сообществ. Среди набора иноязычных компонентов выделяет две главные подкатегории – заимствования, т.е. такие лексемы, которые уже ассимилировались, прочно вошли в систему принимающего языка, и экзотизмы, которые занимают маргинальное положение в системе языка. По мнению учёной, экзотические слова, выражающие особенности жизни, быта чужих народов, чаще всего относятся к предметам и явлениям материальной культуры, а редко связаны с абстрактными понятиями [Воронкова 2006, 77–78]. Мы однако не вполне согласны с данным утверждением, поскольку сфера религии, духовности также находит своё языковое воплощение и в этой плоскости наблюдаются ощутимые различия, конечно, обусловленные спецификой этнического менталитета конкретного народа. Более того, исследовательница обращает внимание на то, что экзотизмам свойственна «неопределённость облика», ибо контекст их употребления не всегда вполне объясняет значение реалии, обозначаемой таким словом [Воронкова 2006, 77]. Как правило, он только намечает предметно-понятийную сферу, с которой связана конкретная реалия.

Вместе с тем мы должны уточнить, что нашему анализу, изложенному в нижеследующей части статьи, подверглись лишь те лексические средства, которые учёные определяют терминами *актуальные экзотизмы* или *собственно экзотизмы*. Под понятием *экзотической лексики* мы понимаем такие пришедшие из иного языка слова и выражения, которые обозначают реалии, характерные для данного народа (т.е. чуждые представителям принимающей культуры), не имеют соответствий в заимствующем языке и, что крайне важно, не используются в активной речи. Так, наша трактовка акцентирует

как весомость национального признака в характеристике экзотизмов, так и отсутствие их лексического освоения системой принимающего языка.

Имея в виду уже процесс перевода экзотических лексем, представляющий собой главный предмет нашего интереса, стоит обратить внимание на то, что при перенесении таких языковых единиц на другую языковую почву важно не только сохранение максимальной информативности, но и передача их национальной специфики, колоритности. Е.Ф. Нечаева, приводя такие определения переводческого процесса, как «перекрёсток культур» или «межкультурный трансферт», констатирует, что на сегодняшний день переводоведение преследует задачу выработать такие стратегии перевода, которые успешно преодолевали бы культурный барьер [Нечаева 2009, 114]. Таким образом, можно прийти к заключению, что при передаче экзотической лексики, отображающей реалии быта других народов и поэтому наделяющей национально-культурным компонентом, переводчик должен сохранить высокий уровень осторожности и вдумчивости, а также учитывать контекст её употребления. Если он не уловит тончайших смыслов переводимых лексем, за которыми, по выражению Р.П. Абдиной, «стоят культурные концепты», может лишиться текст особой национальной окрашенности, а вследствие того – воссоздать искажённую картину мира определённого этноса [Абдина 2013, 104].

Что касается экзотических номинаций, обнаруженных в ходе анализа *Императора* и *Путешествий с Геродотом*, а также их русскоязычных вариантов, важно отметить, что этот лексический пласт тесно связан с понятием *третьей культуры*. Мария Моцаж-Клейндienst констатирует, что указанный термин объединяет такие явления и реалии (конечно, передаваемые с помощью экзотизмов), которые:

генетически связаны с другой культурной областью (конкретной или более общей), чем культура оригинала и культура перевода, но денотаты и/ или понятия которых могут существовать в культуре оригинала и/ или в культуре перевода [Mocarz 2011, 76].

На наш взгляд, обозначаемые экзотической лексикой реалии эфиопского быта, изображенные на страницах *Императора*, в равной мере чужды как первичным, так и вторичным читателям. Однако исследуя пласт экзотизмов, выделенных в рамках второго репортажа Р. Капуцинского, т.е. *Путешествий с Геродотом*, можно прийти к выводу, что тут такое равенство не является очевидным. Конечно, мы не утверждаем, что русскоязычные адресаты переводного текста вполне ознакомлены с китайскими или индейскими реалиями, но как географическое положение, так и определённые политические,

экономические связи российского государства с Китаем, могли в какой-то степени сказываться и в культурной плоскости. Причём данное положение относится, в частности, к смежным территориям России. Наконец, в качестве репрезентации *третьей культуры*, как следствие проведённого анализа репортажей Р. Капуцинского, мы отметили существование ещё такого подразделения экзотизмов, как американизмы. В связи со всем вышесказанным тем более интересным представляется разбор способов, избираемых переводчиком для передачи семантической структуры и национальной специфичности экзотизмов.

Теперь, согласно намеченным в начале нашей статьи задачам, проанализируем указанный выше лексический слой, как и его переводной, русский эквивалент, на основе примеров, почерпнутых из репортажей *Император* и *Путешествия с Геродом*.

Рассмотрим следующий пример:

1) (...) stoją zwróćeni w stronę wschodzącego słońca, śpiewają **upanisady**. **Upaniszady** to pieśni filozoficzne, powstałe trzy tysiące lat temu, ale ciągle żywe, ciągle w życiu duchowym Indii obecne [PzH, 45].

(...) обратившись в сторону восходящего солнца, поют **упанишады**. **Упанишады** – это философские песни, они возникли три тысячи лет назад, но постоянно присутствуют в духовной жизни Индии [10].

Так, в подлиннике экзотическая лексема *upanisady* получает авторское толкование уже в рамках самого текста репортажа на исходном языке. Писатель объясняет денотативный компонент значения использованной номинации, вследствие чего первичный читатель осознаёт, что имеет дело с разновидностью философских песен.

Русский вариант, со своей стороны, доказывает, что в данном месте переводчик отдал предпочтение методу транскрипции. Он воссоздаёт внешнюю фонетическую форму слова, благодаря чему полностью сохраняет его национально-культурную специфику. Смысл экзотической номинации, как и в случае оригинала, раскрывается в последующем предложении.

Собранный нами практический материал показывает, что транскрипция предстаёт как доминирующий способ передачи экзотической лексики на переводящем, т.е. русском, языке. Наши замечания подтверждают тезис, выдвинутый М. Моцаж, согласно которому на сегодняшний день этот переводческий приём признаётся чаще всего используемой переводческой операцией в ситуации, при которой неизбежной становится замена алфавита [Mocarz 2011, 129–132]. Его достоинства, по нашему мнению, определяют тем, что русские соответствия вполне передают уникальный характер,

культурные особенности экзотических номинаций, а в связи с пояснением их внутреннего содержания в дальнейшей части текста, не возникает угроза, что указанные языковые средства пропустятся читателями перевода при чтении. Причём необходимо подчеркнуть, что рассмотренные нами примеры нередко являются продуктом транскрипции, допускающей определённые фонетические и формальные изменения. Данный фактор, несомненно, обуславливается стремлением приспособить экзотические лексемы к нуждам системы национального языка, также в области произношения. Учитывая ограниченность объёма настоящей статьи, приведём несколько примеров переводческой транскрипции:

2) Do dziś w Afryce Zachodniej można spotkać i posłuchać **griota**. **Griot** to chodzący po wsiach i jarmarkach opowiadacz legend, mitów i historii swojego ludu, plemienia, klanu [PzH, 248].

До сих пор в Западной Африке можно встретить и послушать **гриота**. **Гриот** ходит по ярмаркам и деревням, рассказывая легенды, мифы и истории своего народа, племени, клана [59].

3) Ubrani są różnie, w zależności od funkcji i rangi: od złocistych **turbanów** spiętych drogimi kamieniami po proste **dhoti** – opaskę na biodrach noszoną przez tych z dołu hierarchii [PzH, 37].

Одеты они по-разному, в соответствии с выполняемой функцией и статусом: от золотистых **турбанов**, сколотых булавками с драгоценными камнями, до простых **дхоти** – набёдренных повязок у тех, кто внизу иерархии [8].

4) W tej przejmującej chwili muzułmanie padają na kolana i odmawiają swoją pierwszą modlitwę dnia – **salad as-subh** [PzH, 144].

В этот удивительный момент мусульмане падают на колени и читают свою первую молитву дня – **салад ас-субх** [33].

5) Następnie: znosi dekretem metodę zwaną u nas **liebasza**. Dotyczyło to wykrywania złodziei. Czarownicy dawali małym chłopcom tajemne zioła, a ci odurzeni, oszołomieni, mocą nadprzyrodzoną kierowani, wstępowali do jakiegoś domu i wskazywali złodzieja [C, 51].

Наконец, путём декрета отменяет метод выявления преступников, именуемый у нас «**лебащей**». Чародеи поили мальчиков тайным зельем, и те, одурманённые, обалделые, ведомые сверхъестественной силой, входили в чей-нибудь дом и указывали преступника [8].

Проиллюстрируем примерами также транскрипцию, сопровождаемую определёнными фонетико-формальными преобразованиями. Кстати, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в случае «неполной транскрипции» [Mocarz 2011, 129–132] переводные варианты экзотизмов довольно часто

записываются в кавычках. Упомянутая особенность шрифта, по нашему мнению, может служить средством выделения такого компонента на фоне структуры текста с целью привлечь внимание читателей к наименованиям фактов инокультурной действительности.

6) (...) *wybuchło szaleństwo fetaszy, które później urosło do rozmiarów nie spotykanych na świecie, a jego ofiarą staliśmy się my wszyscy – żywi ludzie, niezależnie od koloru skóry, wieku, płci i stanu. Fetasza – to amharskie słowo, które oznacza rewizję* [С, 26].

(...) вспыхнуло безумство «**ФЫТЭШИ**», позже разросшееся до умопомрачительных размеров. Жертвами его сделались все мы – живые люди, независимо от цвета кожи, возраста, пола и положения. «**Фытеша**» – амхарское слово, означающее обыск [4].

7) *Zachowuje karę chłosty w miejscach publicznych, ale karci metodę afarsata. Jeżeli gdzieś popełniono przewinienie, siły porządku otaczały wieś lub miasteczko i głodzono ludność dotąd, dopóki ktoś nie wskazał winnego* [С, 51].

Сохраняет публичное наказание розгами, но осуждает метод **аферсаты**. Если где-то совершалось преступление, силы порядка окружали деревню или местечко и блокировали её до тех пор, пока кто-нибудь не называл виновника [9].

8) (...) *jako szatny sądu imperialnego, nakładałem na ramiona osobliwego pana czarną, sięgającą ziemi togę, w której monarcha rozpoczynał trwającą do pierwszej godziny sądu najwyższego i ostatecznego, który w naszym języku nazywa się – czelot* [С, 54].

(...) как гардеробщик имперского суда, набрасывал на плечи достопочтённого господина чёрную, достигавшую земли тогу, в которой монарх начинал продолжавшееся до часу дня заседание Верховного, а значит, и окончательного суда; по нашему «**ЧИЛОТ**» [9].

Однако в результате изучения способов передачи семантического содержания экзотизмов, нами обнаружилось также такие случаи, где помимо применения переводчиками полной или неполной транскрипции, одновременно ими не даётся разъяснение значения данных лексем. Причём тут важно отметить, что такая обстановка очень часто наблюдается в отношении тех экзотически звучащих номинаций, которые характеризуют элементы материальной культуры, а отсутствие пояснения их значения прослеживается и в тексте подлинника. Тогда контекст употребления экзотизмов, понимается, как в оригинале, так и в переводном тексте, намечает конкретную предметную сферу экстралингвистической действительности, к которой принадлежит обозначаемая ими реалия. Убедительным доказательством этого явления

считаются приведённые ниже примеры, которые подчёркивают специфику такого сегмента материальной культуры, каким является одежда:

- 9) Miał siwą, rzadką brodę i pomarańczowy **turban** [PzH, 21].

Спустя какое-то время появился старик (...) с реденькой седой бородкой и в оранжевом **турбане** (...) [4].

- 10) (...) stewardesa ubrana w jasne, pastelowe **sari** [PzH, 19].

(...) стюардесса, одетая в **сари** пастельных тонов [4].

- 11) (...) zobaczyłem stojących dwóch ludzi w długich, białych **galabijach** [PzH, 109].

(...) заметил неподалёку двух мужчин в длинных белых **галабях** [25].

- 12) Mężczyźni – wszyscy czarnowłosi, kobiety – wszystkie w **hidżabach**, idą w kilometrowych, nawet w kilkukilometrowych kolumnach (...) [PzH, 141].

Люди (мужчины – все чёрноволосые, женщины – все в **хиджабах**) идут не просто километровыми, а многокилометровыми колоннами (...) [33].

Вышеописанная закономерность, когда использование переводчиком приёма транскрипции (или её разновидности, допускающей конкретные фонетические и формальные модификации) не сопровождается последующим пояснением смыслового содержания экзотических слов и выражений, фиксируется также относительно номинаций разных средств транспорта, связанных с американской культурой. Свидетельствуют о том изложенные ниже примеры воссоздания внешней звуковой формы американизмов. Однако существенно подчеркнуть, что в данном случае в тексте подлинника обозначения американских реалий вполне соответствуют лексико-грамматическим правилам английского языка, даются в оригинальном виде. В настоящем на польском языке они обладают несколькими вариантами представления, а, как видно, автор оригинала избрал и внедрил в ткань своих репортажей такую их форму, которая не претерпевает никаких изменений:

- 13) Te karabiny są zamontowane na amerykańskich **jeepach**, obok siedzenia kierowcy [C, 9].

Эти пулемёты установлены на **джипах** американского производства рядом с водителем [1].

- 14) Lubił samochody, najwyżej cenił sobie **rolls-royce'y** z powodu ich poważnej i dostojnej linii, ale dla odmiany korzystał też z mercedesów i **lincoln-conti-nentalów** [C, 17].

Император обожал машины, предпочитая «**роллс-ройсы**» за их строгий, исполненный достоинства силуэт, но для разнообразия пользовался «мерседесами» и «**линкольн-континенталями**» [2].

Помимо тех способов функционирования экзотической лексики в конечном тексте, о которых упоминалось раньше, замечаются ещё другие, хотя

имеющие очень немногочисленную репрезентацию, а поэтому и не затронутые в рамках нашей статьи. Интересно однако рассмотреть выявленный нами один пример употребления транскрипции с добавленным примечанием, который, в свою очередь, противоречит высказанному нами раньше предположению о возможности высшей степени ознакомления с азиатскими реалиями среди русско-, чем польскоязычных читателей. Как постулируют учёные, этот экзотизирующий приём часто мотивируется признанием переводчиком насущных расхождений в объёме фоновых знаний первичных и вторичных получателей текста. Наверное, в нижеследующем примере переводчик задался целью расширить информативность адресата, в связи с чем снабжает экзотическую лексему *панча-шила* сноской, раскрывающей денотативный компонент её значения:

15) (...) *prezydent Indonezji Sukarno, jeden z ideologów nowej polityki pańcza siła*, nakazał Holendrom opuścić jego kraj – ich dawną kolonię [PzH, 98].

(...) президент Индонезии Сукарно, один из идеологов новой политики **панча-шила** [15], потребовал от голландцев покинуть его страну, их недавнюю колонию [23].

15 – Панча-шила (хинди) – пять принципов международных отношений, выдвинутые в 1954 г. Индией и КНР.

Суммируя, мы должны констатировать, что переводные версии репортажей Р. Капуцинского полностью сохраняют стилистику автора оригинала в области использования экзотизмов. Вследствие выбора метода полной или неполной транскрипции (иногда допускающей фонетико-формальные изменения), который ведь доминирует при передаче экзотизмов на русском языке, переводчиком удалось воспроизвести экзотичную ауру, замечаемую в отношении подлинника. Таким образом, как первичным, польскоязычным, так и вторичным читателям в равной степени предоставляется возможность ознакомиться с африканскими, а точнее говоря – эфиопскими, или азиатскими культурными реалиями. Однако, как уже отмечалось раньше, в этом контексте важную роль сыграл способ изложения текста оригинала, т.е. семантизация многих экзотических лексем. Указанный приём, нашедший своё отражение и в переводной версии, в значительной степени облегчает процесс усвоения новой информации при чтении произведения, а заодно и доказывает его познавательную ценность. Функционирование же в тексте экзотической лексики, которая, по словам Светланы И. Маниной, «вводится автором с целью подчеркнуть экзотически-нестандартный характер изображаемых сцен, явлений, действий, лиц», обуславливает реализацию стратегии экзотизации [Манина, online]. Причём важно отметить, что в случае нашего

анализа экзотизация должна восприниматься не только в качестве переводческой стратегии, но и писательской манеры автора подлинника. Как констатирует М. Моцаж-Клейндиенст, репортаж из путешествий как жанр сам по себе притягивает осознанных, обладающих достаточным уровнем фоновых знаний читателей [Mocarz-Kleindienst 2014, 180–181]. Такие читатели одновременно желают ознакомиться с новыми фактами, понятиями, связанными с иногда совсем чужим фрагментом внеязыковой действительности. Поэтому не удивляет наличие в исследуемых нами текстах экзотизмов, которые усиливают достоверность, аутентичность передаваемой информации, а также помогают как польско-, так и русскоязычным читателям понять чужестранную культуру и *увидеть* иной мир.

Библиография

- Abdina Raisa Petrovna. 2013. *Klasternyj analiz v issledovanii ěkzotizmov hudoŹestvennyh tekstov*. «Izvestiâ Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogičeskogo Universiteta» № 2: 102–104 [Абдина Раиса Петровна. 2013. *Класстерный анализ в исследовании экзотизмов художественных текстов*. «Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета» № 2: 102–104].
- Dombrowskaâ Kristina. 2009. *RyŹard KapuŹinskij*. (online) <http://culture.pl/ru/artist/ryshard-kapushchinskiy> (dostup 10.04.2017) [Домбровская Кристина. 2009. *Рышард Капуцинский*. (online) <http://culture.pl/ru/artist/ryshard-kapushchinskiy> (доступ 10.04.2017)].
- Ėzerinâ Svetlana Arkad'evna. 2010. *Ob otryaŹenii ěkzotizmov v «Slovarė russkogo āzyka XIX veka»*. «Vestnik Omskogo Universiteta» № 1: 69–71 [Эзериня Светлана Аркадьевна. 2010. *Об отражении экзотизмов в «Словаре русского языка XIX века»*. «Вестник Омского Университета» № 1: 69–71].
- KapuŹinskij RyŹard. *Imperator*. (online) <http://www.e-reading.club/book.php?book=1015836> (dostup 3.04.2017) [Капуцинский Рышард. *Император*. (online) <http://www.e-reading.club/book.php?book=1015836> (доступ 3.04.2017)].
- KapuŹinskij RyŹard. *PuteŹestviâ s Gerodotom*. (online) http://loveread.ec/read_book.php?id=38471&p=1 (dostup 3.04.2017) [Капуцинский Рышард. *Путешествия с Геродотом*. (online) http://loveread.ec/read_book.php?id=38471&p=1 (доступ 3.04.2017)].
- KapuŹiński Ryszard. 1995. *Cesarz*. Warszawa: Wydawnictwo Czytelnik.
- KapuŹiński Ryszard. 2004. *PodrŹe z Herodotem*. Kraków: Wydawnictwo Znak.
- Krysin Leonid Petrovič. 1968. *Inoāzyčnyė slova v sovremennom russkom āzyke*. Moskva: Izdatel'stvo Nauka [Крысин Леонид Петрович. 1968. *Иноязычные слова в современном русском языке*. Москва: Издательство Наука].
- Manina Svetlana Ivanovna. 2010. *PragmatickeŹskie funkcii inoāzyčnyh vkraplenij*. (online) <https://cyberleninka.ru/article/v/pragmatickeŹskie-funksii-inoazyčnyh-vkraplenij> (dostup 20.04.2017) [Манина Светлана Ивановна. 2010. *Прагматические функции иноязычных вкраплений*. (online) <https://cyberleninka.ru/article/v/pragmatickeŹskie-funksii-inoazyčnyh-vkraplenij> (доступ 20.04.2017)].
- Mocarz Maria. 2011. *InterkulturowoŹc w przewodniku turystycznym. Studium o odbiorze innoŹci w przekładzie*. Lublin: Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego.

- Mocarz-Kleindienst Maria. 2014. *Kapuściński po rosyjsku. O strategiach przekazu inności kulturowej w oryginale i w przekładzie «Imperium»*. B: *W świecie wartości naszych i innych. Z najnowszych badań nad literaturą, kulturą i językiem Słowian Wschodnich*. Red. Mocarz-Kleindienst M., Nowacki A., Siwek B. Lublin: Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego: 179–186.
- Nečaeva Evgeniâ Feliksovna. 2009. *Sohranenie nacional'noj identičnosti i problemy perevoda*. «Vestnik Čelâbinskogo Gosudarstvennogo Universiteta» № 7: 113–116. [Нечаева Евгения Феликсовна. 2009. *Сохранение национальной идентичности и проблемы перевода*. «Вестник Челябинского Государственного Университета» № 7: 113–116].
- Samotik Lûdmila Grigor'evna. 2011. *Ėkzotizmy russkogo âzyka*. «Vestnik Tûmenskogo Gosudarstvennogo Universiteta» № 1: 188–193 [Самотик Людмила Григорьевна. 2011. *Экзотизмы русского языка*. «Вестник Тюменского Государственного Университета» № 1: 188–193].
- Valeeva Gul'naz Mudarisovna. 2010. *Ėkzotičeskaâ leksika i eâ lingvističeskie vozmožnosti*. «Učënye Zapiski Kazanskogo Universiteta» № 6, t. 152: 116–123 [Валеева Гульназ Мударисовна. 2010. *Экзотическая лексика и её лингвистические возможности*. «Учёные Записки Казанского Университета» № 6, т. 152: 116–123].
- Voronkova Irina Sergeevna. 2006. *O ponâtiâh «Ėkzotizmu» i «varvarizmu»*. «Vestnik Voronežskogo Gosudarstvennogo Universiteta» № 2: 77–79 [Воронкова Ирина Сергеевна. 2006. *О понятиях «экзотизмы» и «варваризмы»*. «Вестник Воронежского Государственного Университета» № 2: 77–79].

Summary

Exoticisms in reportages by Ryszard Kapuściński and their translation from Polish to Russian

This paper concentrates on the ways in which exoticisms should be translated from Polish to Russian. We focus on the exoticisms used in *Cesarz* and *Podróże z Herodotem* by R. Kapuściński. In this text we stress the need to preserve the local cultural coloring of a given exoticism in the process of translation. Moreover, we notice that a unified definition of the term *exoticism* is necessary, and the lack thereof makes it more difficult to single out exoticisms from among other borrowings. We also touch upon the issue of the so-called third culture while our interest in it results from the very nature of travel essays, which often acquaint the readers with exotic cultural realities.

Key words: translation, borrowing, exoticism, cultural realities, travel essay

Kontakt z Autorką:
marzenakozyra657@wp.pl

